

Меня нередко упрекают, что моя проза автобиографична. Да — это в основном так, но я думаю, что вправе поделиться с читателем пережитым мною. Без ложной скромности считаю, что мне есть что сказать. На вопрос моей однокурсницы и читательницы: «Сколько правды в моих произведениях?», я ответил, что правда в моих рассказах — это цветная податочная бумага, в которую я заворачиваю свои опыты.

Ничего не предвещало...

*Иногда кажется, что судьба дожидается
определенного часа, и она лучше
нас знает, что надо делать.*

М. Монтень

История, которую я хочу вам рассказать, началась жарким летом 1973 года в середине полевого геологического сезона. После утомительных перебазировок мы оказались на таежном аэродроме Нанца, в семи километрах от действующего оловянного рудника и одноименного поселка с оригинальным названием Таёжный. Это был вполне обычный посёлок, возникший на базе рудника: около двух сотен домов, магазин с интригующим названием «Товары повседневного спроса», довольно сносный клуб-кинотеатр, библиотека и даже комбинат бытового обслуживания.

Магазином заправляла еще сравнительно молодая женщина, получившая за размер своего бюста прозвище «Татра», с намёком на мощные чешские самосвалы, обслуживающие рудник, а товары в магазине сообразно названию отличались завидным по тем временам разнообразием.

Трудно даже представить, что 20 лет назад на этом месте стояли палатки первооткрывателей. Их имён нет на мемориальных досках, да и самих досок-то нет, но разве для этого они мерзли, мокли, голодали и наперекор всему рожали и воспитывали детей, справляли свадьбы и праздники и были счастливы.

Я впервые ощутил нужность дела, которому мы все служили, и гордость за него, когда проезжал действующий рудник на берегу реки Арму и увидел на том месте, где стояла моя палатка с вечно протекавшей крышей, гудящее работающими механизмами здание ремонтно-механических мастерских.

Мы довольно комфортабельно разместились в двух бревенчатых домиках, оставшихся от стоявшей здесь ранее геологической партии. Третий домик занимала какая-то околонуучная организация из столичного института, состоящая из трех неразговорчивых бородатых мужчин и двух студенток. Понять чем они занимались, постоянно находясь на аэродроме и в его окрестностях, видно, было не для среднего ума.

К всеобщей радости баня на берегу речки прекрасно сохранилась, и мы топили её к вечеру каждый день. Ну уж если речь зашла о бане, то я просто обязан рассказать вам, в какой бане мне довелось побывать годом позже. Я случайно попал на день рождения одного уважаемого начальника партии и перед застольем мне предложили помыться с дороги. Пол в бане был устлан молодыми веточками берёзы и цветами черёмухи. Веники были также берёзовые с вплетённой цветущей черёмухой. Поддавали пар ржаным квасом на берёзовом соке, а в предбаннике стояла бочка того же кваса, в которой плавали куски льда и огромный деревянный ковш. Гвоздём же застолья был копченый кабаньей окорок и бочонок медовухи с еще налипшей местами землёй.

И еще одна история, связанная с баней. Стояли мы тогда на левобережье в среднем течении реки Татибе. Это был день отдыха и мы с геологом Виктором оттягивались в бане. Я думаю, что вы тоже любили после парной окунуться в ледяную воду, вот и мы, только что выскочив из парной, кинулись с индейскими криками в ледяной ручей. В этот день вертолет должен был выкинуть пять студенток-практиканток, и они таки прилетели вовремя, но нам в страшном сне не могло присниться, что молодой специалист по прозвищу Генерал порученное ему ознакомление прилетевших начнет с бани!

Итак, подняв головы из ручья, мы увидели пять молоденьких девушек, глядевших на нас во все глаза. Одна из них, кареглазая, что-то вполголоса спросила у Генерала. Тот пояснил девушкам, что это начальник отряда и геолог, и что они любят так лежать в ручье иногда по часу, а то и больше.

— Так вода же ледяная, холодно, — не унималась кареглазая.

— Привычные они, — как бы даже с завистью вздохнул Генерал.

И тут мы, чувствуя, что ноги уже сводит судорогой, а посиневшие губы выговорить ничего не могут, выскочили с шумом из ручья и, прикрыв руками сами понимаете что, кинулись мимо оторопелых студенток в баню.

На другой стороне взлетной полосы виднелось приземистое здание метеостанции с двумя дощатыми сараями и высокой радиомачтой. Хозяйками метеостанции оказались две милovidные разбитные девушки, одна из которых выделялась отсутствием верхнего переднего зуба, что довольно успешно скрывалось своеобразной улыбкой только уголками рта. Девушки сразу стали предметом вожделения со стороны наших бичей — сезонных рабочих. Мне кажется, повествование будет неполным без посвящения вас в удивительный мир бичей.

*Голодный бич — страшнее волка,
А сытый бич — милей овцы.
Любимая присказка всех бичей*

Порядком приевшееся определение — БИЧ — как бывший интеллигентный человек, совершенно не соответствует сути этого уникального сообщества, практически исчезнувшего в настоящее время. Скорее — БИЧ — это образ жизни.

Ранней весной, как правило, в середине марта, коридоры управления возле отдела кадров заполнялись людьми различного возраста и внешности и, тем не менее, заметно схожими и узнаваемыми. Почти все они были одеты, как в своеобразную униформу, в длинные пальто на вате, бывшие, вероятно, когда-то серыми и оставлявшие долго несмываемый мутно-серый цвет на панелях коридоров. Удивительно, но я никогда не видел эти пальто в продаже. Добавьте к этому густой запах немых тел, перегар от одеколona, различных аптечных настоек и других не менее «благородных» напитков.

При долгом общении с бичами я узнал много нового о том, что можно употреблять для опьянения из, казалось бы, совершенно невысказанных с этой точки зрения продуктов. Я уверен, что очень немногие из этих достойных представителей рода человеческого были знакомы с рецептами коктейлей Венички (В. Ерофеева) и поэтому предпочитали менее изысканные, но более экзотичные способы опьянения. Вот несколько рецептов:

— сапожный крем нужно намазать на черный хлеб, оставить на два часа, затем тщательно счистить крем и есть хлеб, запивая ледяной водой;

— густо разведенная и подогретая зубная паста «Поморин»;

— репудин и диметилфталат (средство от насекомых в тайге);

— тормозная жидкость (хорошо очищается при морозе).

Ну и конечно — всевозможные аптечные настойки. Из откровений бича с большим опытом: «Слушай сюда, Володя! Боярышник — лучше любого коньяка... Луковка — выпьешь и как жареным лучком закусил. Цимицифуга — очень вкусна, но унитаза потом не отмоешь...»

Относительно коктейлей мне запомнился рецепт, продиктованный бывшим главным инженером обувной фабрики в каком-то захолустном городке в Сибири: «Рекомендую, Володя! Берешь ром «Негро» и одеколон «Красная Москва», смешиваешь в равных пропорциях, кипятишь и горячим пьешь!»

Среди сотен людей «контингента» мне встречались очень интересные люди: бывший командир подводной лодки, застреливший своего замполита, застав его в постели со своей женой; резчик по камню Троекуровского кладбища г. Москвы; бывший главный бухгалтер крупной организации г. Ленинграда, выкинувший через балконную дверь свою жену с пятого этажа; бывший священник из Архангельска.

Вспоминается один случай (я тогда уже в кабине ездил). Женщина средних лет привела за руку трясущегося с похмелья небритого мужика и сходу с плачем: «Заберите его, Христа ради, у нас трое детей, а он пьет беспробудно — белый свет от темени не отличает. Вчера прихожу домой, а он на вешалке свою рубаху дергает за рукав и кричит «Проходите, чего встали, Тимофей — наливай!» Ну, думаю — всё, кончилось мое терпение. У вас тут я слышала как в армии, да еще и деньги на руки только осенью дают, правда это?»

Алексей (так звали мужика) оказался рукастым, буквально все умеющим делать — в общем незаменимым человеком в полевых условиях. К новогодним праздникам жена его пригнала огромную сумку домашних солений и долго благодарила, сказав, что муж устроился на работу, выпивает только по праздникам и деньги сам приносит домой, а то раньше она в кассе-то за него получала. Я не мог рассказать ей, как ее Алешка полз за мной на коленях, оставляя кровавый след на галечнике берега речки, куда я выливал брагу из объёмистой бутылки и кричал изо всех сил: «Ну, хоть кружечку-то оставь...». И я ему налил и потом вторую тоже.

Заметьте, что всех этих людей объединяет слово «бывшие», отрезавшее их от прошлой жизни и лишившее будущего. Чем отличались бичи того времени от бомжей 90-х и наших дней? Полным отсутствием женщин в их социальной группе. Они никогда не просили милостыню, не рылись в помойках и не собирали пустые бутылки. Среди них не было наркоманов.

Поразительно, но их никогда не было видно с конца ноября по начало марта, а потом, по образному выражению одного моего знакомого: «Ну всё, весна пришла — бичи прилетели!»

Они были всегда очень рады попасть в полевые партии и отряды. Спецдежда, спальные мешки, питание, баня — на целых полгода. Ну и мизерная, но твёрдая зарплата. Совершенно незнакомые с жизнью в тайге, они стойко и с присущим им юмором сносили все тяготы полевой жизни — мерзли, мокли, уставали, кляли таежный гнус и мошку. Я не знаю ни одного случая воровства среди коллективов, которые в какой-то степени они воспринимали как большую семью.

Как правило, в октябре предписывалось увольнять сезонных рабочих (экономия фонда заработной платы), но многие оставались работать бесплатно и мы, конечно же, кормили их за свой счет. Эта социальная категория частично переродилась в бомжей, но большей частью просто вымерла. Жаль...

Возвращаясь к нашему рассказу, отмечу, что каждый вечер после работы бичи пересекали взлетную полосу в направлении к зданию метеостанции и возвращались поздно ночью, тихо переговариваясь, чтобы не будить остальных.

Мы же коротали вечера у костра с неизменным чаем, разговорами и песнями под гитару. На огонек приходили две сублильные столичные фифы, не выпускавшие сигареты «Ды-

мок» из премилых ротиков — студентки из научного института. Обращались они к себе не иначе, как Надин и Катрин, но впоследствии оказались вполне нормальными и даже в чем-то наивными девчонками, хотя совсем непохожими на моих бывших однокурсниц.

Бойся рудовоза...
Водитель Лёха

Заданием нашего небольшого отряда было описание и опробование скальных пород на береговых обрывах реки Берёзовая. От аэродрома (базы отряда) это было километрах в десяти, но у нас была МАШИНА! Даже беглый взгляд на неё полностью подтверждал бессмертное определение великолепного Остапа, что «автомобиль не роскошь, а средство передвижения».

Пресловутая «Антилопа Гну» по сравнению с нашей «ласточкой» выглядела бы по меньшей мере «Мерседесом». Представьте себе раздолбанный грузовик Газ-51 с полностью потерявшим цвет, латаным-перелатанным кузовом и перекошенными дугами для брезента. Грязно зеленая краска на капоте и кабине без одного стекла сохранилась лишь местами, что издали выглядело как армейский камуфляж. Спереди горела только одна уцелевшая фара, разбитые подфарники болтались на проводах, создавая при движении немзыкальный звон. Задние габариты были разбиты, по видимому, уже давно, тормозов не было по причине полного износа колодок.

И все же она была на ходу и — каким-то чудом! — даже каждый день. Я ни разу не видел, чтобы водитель Лёха поднимал капот, даже для осмотра и, тем не менее, наш шофёр производил впечатление механика из плохого гаража. Его одежда, руки и даже лицо были пропитаны бензином, маслом и чем-то еще. «Водитель машиной должен пахнуть и выглядеть, как она», — любил говорить он. На мой вопрос, когда машина проходила ремонт, он со своей белозубой улыбкой, вытирая лицо какой-то грязной тряпкой, ответил: «Запомни, Вовчик, машина, как человек — сколько ей отведено, столько она и будет ездить. Вот, например, человек — сколько ни ходи по врачам, всё равно умрёт, когда положено ему. Так и машина...»

Ездили мы на работу по накатанной грунтовой дороге, по которой с ревом проносились мощные грузовики «Татра», перевозившие руду на обогатительную фабрику. Когда маши-

на шла под горку, Лёха кричал (сигнала, наверное, не было никогда), чтобы мы прыгали из кузова. Я тогда, по выражению одного геолога, ещё в кузове ездил. В кабине только начальникам ездить положено.

Для водителей «Татр» Лёха был настоящим «бичом божьим». Дело в том, что он всегда ехал строго посередине трассы, принуждая большегрузные и часто груженые самосвалы тормозить, съезжать на обочину с угрозами и отборной бранью в наш адрес.

«Бойся рудовоза, — посмеивался Лёха, — мотоцикла мы столкнем!»

Однажды он услышал от кого-то, что в этом районе как будто видели тигра. В этот день он был особенно молчалив и вдруг спросил меня:

— Володя, а вот тигр — он вообще для чего?

Я был занят своими мыслями и рассеянно ответил:

— Что значит для чего? Это фауна наша...

Уже ближе к вечеру он подошел ко мне и угрюмо спросил:

— Ну и скажи ты мне — на хрена нам такая фауна?

После этого разговора Лёха, дожидаясь нас с работы, весь день сидел в наглухо закрытой, раскаленной от солнца кабине машины, раздеваясь до трусов и справляя малую нужду в литровую банку.

Так шли без особенных происшествий дни обычной рутинной работы, и ничего не предвещало трагических событий, оставивших след в моей жизни.

Первая встреча

*В судьбе нет случайностей,
Человек скорее создает,
Нежели встречает свою судьбу.*
А. Вильмен

Итак, июль подходил к концу, но небывало сильная жара не спадала. Бессильно, точно в каком-то злом отчаянии повисли ветви берёз, пытающихся из последних сил удержать пыльные, иссушенные жарой листочки, словно умоляя их не опадать — еще не осень. Ощутимо пахло гарью от далёких лесных пожаров, и призрачная дымка, казалось, ещё больше усиливала жар

от багрового шара солнца. Тем нереальнее выглядели голубые россыпи васильков (я никогда больше не встречал такого их обилия), с поразительным упорством пробивающихся сквозь почти полностью выгоревшую придорожную траву.

В тот вечер мы первый раз выехали в посёлок на вечерний киносеанс в клубе. Читатели моего возраста, конечно же, помнят эти последние вечерние сеансы на 21.45 и синенькие билетки — как пропуск на свидание.

В тот вечер давали фильм «Мальчики» с Антоном Табаковым в главной роли. Я специально заменил «показывали» словом «давали», более присущим театру, потому что для нас первый выход с начала апреля в посёлок, да ещё в кино, был по настрою схож с давно ожидаемой премьерой спектакля где-нибудь в столице. Народу набился полный кузов, включая теперь уже неразлучных подруг наших бичей — девушек с метеостанции, чего нельзя было не заметить по запаху духов, судя по всему — «Ландыш серебристый».

Пока не погасили свет в небольшом зале, я успел заметить сидящую за два ряда от меня впереди, судя по всему, молоденькую девушку. На ней была, насколько я успел рассмотреть, синяя пуховая кофточка. Роскошные волосы цвета переспелого овса были полусобраны в косу, небрежно перекинутую на грудь, на тонкой шее сзади же был трогательный завиток волос того же цвета. Первая отмеченная мною странность была в том, что ни справа, ни слева рядом с нею никто не сидел. Слегка удивившись этому, я через минуту забыл о ней.

После сеанса, с трудом собрав не в меру распалившихся бичей, уже всюду флиртовавших с местными красавицами и подозрительно подмигивающих парням, мы стали грузиться в машину. Внезапно кто-то позвал меня по имени и, обернувшись, я вдруг почувствовал легкий озноб. В двух шагах от меня стояла... Она — та девушка из кинозала.

— Вы не могли бы проводить меня домой? — и столько было в этом голосе, схожем с журчанием ручья на камне, какой-то особенной чистоты и непосредственности, что бичи, уже готовые отпустить по этому поводу шутки, часто переходящие в скабрзности, вдруг притихли.

Я оторопело кивнул.

— Ну, мы ждать не будем, доберешься сам, — буркнул Лёха.

Машина развернулась и оставила нас, стоящих друг против друга.

— Так что мы стоим, пойдёмте, — прервал я затянувшееся молчание, обратившись к ней на вы, как бы обозначая дистанцию.

Было уже темно, но легкую полуулыбку я все-таки успел заметить.

— Да, конечно, — поспешно согласилась она, — здесь недалеко.

Честно говоря, я был не то чтобы смущен или растерян, но как-то не уверен в себе, что ли.

— Ничего не говорите, ладно, — почти прошептала она и вдруг её узкая прохладная ладонь оказалась в моей руке.

В молчании прошло несколько минут.

— Вот мы и пришли. Благодарю вас, — несколько даже церемонно и неспешно, словно растягивая минуту, проговорила она, и я ощутил пожатие, легкое, как касание пихтовой лапки-веточки. Или мне это показалось?

Обратно я шел всю дорогу пешком, несмотря на сигнальщики 2-3 рудовоза, пытаюсь как-то собрать стремительно бегущие, как по рельсовому пути в одну сторону, мысли. Незаметно по деревянному мосту пересек речку, и тут луна, воровато выглянувшая из-за туч, осветила кладбище на невысоком бугре, выбелив с контрастом ретуши кресты и какие-то убогие памятники. Прервав мои в общем-то и так невеселые размышления, со стороны кладбища донесся резкий прерывистый крик птицы с коротким эхом от обрывистого склона. Крик этот был не похож на все, что я слышал в лесу ранее — как будто кто-то с силой царапал ржавый лист железа, и было в этом звуке что-то угрожающе-предупреждающее. Суеверным (по крайней мере, тогда) я не был, но с внезапно заколотившимся сердцем ускорил шаг, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Да тут еще эхо от моих шагов звучало так, как будто кто-то шел за мной, и заставить себя оглянуться я не мог.

Мы с женой В. недавно окончательно расстались, и сказать, что эта горечь прошла, было бы неправдой. Поэтому сейчас я абсолютно не был готов к каким бы то ни было серьезным отношениям, а других, по-видимому, здесь не просматривалось. То, что я принял за причуды доступной деревенской

красавицы, мне казалось теперь чем-то иным, непонятным и потому пугающим (я вообще боюсь непонятного).

При подходе к аэродрому я уже твердо решил для себя больше не встречаться с этой девушкой и в поселок не ездить. Был почти час ночи — я залез в спальный мешок и крепко, без сновидений заснул. Уже засыпая, я вспомнил, что даже не узнал, как ее зовут..

Наваждение

*Убегая от судьбы, он, как обычно
это бывает, мчится ей навстречу.*

Тит Ливий

В этот день все пошло как-то не так. Ночью прошел дождь, и я, поскользнувшись на мокрых камнях, дважды упал в воду, сильно ушиб бедро да еще и поцарапал руку. Обругав ни в чем не виноватого бича (ну что-то же надо было делать), уселся сушить одежду, записную книжку и незаметно задремал.

Приснился мне странный сон. Стою я на обочине, а мимо идет похоронная процессия. Рядом со мной стоит какая-то женщина (или девушка), но лица ее я не вижу.

— Кого хоронят? — спрашиваю.

— Володю Пахомова, — тихо отвечает она.

— Это неправда — я вот он, и живой!

— Уверен?

Тут я проснулся — надо же присниться такому... Сон, разумеется, настроение не улучшил.

Приехав на базу, я без настроения помылся в бане и поплелся к столу, хотя есть не хотелось. Мой приятель геолог Виктор вдруг поманил меня к двери:

— Володя, тут вот пришли к тебе!

— Я, Витя, никого не жду!

— Так что, сказать, чтобы уезжала?

— Кто?!

— Ну, выйди, посмотри...

На краю взлетной полосы метрах в 30 от меня стояла... в общем, я не успел ее толком рассмотреть. Широко раскинув руки, она бежала, скорее, летела, не касаясь вытоптанной

травы. На мгновение роскошные волосы закрыли ей лицо, и она чуть не упала. И тут, совершенно не понимая почему, я тоже побежал ей навстречу и остановился только тогда, когда увидел близко-близко перед собой ее широко распахнутые васильково-синие глаза с какой-то сумасшедшинкой в глубине их.

Как будто устыдившись своего порыва, мы отпрянули друг от друга, и теперь она стояла прямо передо мной без тени смущения и даже, мне показалось, с каким-то вызовом:

— Вот я какая — смотрите!

Она была среднего роста с узкими бедрами и плечами и высокой грудью. Огромные для ее слегка ассиметричного лица с высокими скулами глаза оттенялись густыми темными ресницами, (как занавески — подумал я), высокий открытый лоб, слегка тронутый загаром над крутыми дугами темных бровей, пухлая ребяческая нижняя губа чуть приоткрывала мелкие, кипенно-белые зубы. Красавицей в полном смысле этого слова ее назвать было сложно и, в первую очередь, из-за какой-то незавершенности облика — как будто что-то отвлекло художника, рисующего прекрасную картину, перед последними мазками.

С непередаваемой, будто врожденной грацией она протянула Виктору свою узкую с длинными пальчиками руку (без маникюра — отметил я) ладонью вниз, словно для поцелуя, и Виктор, приняв ее ручонку в свои узловатые мозолистые лапы, бережно прикоснулся губами.

— Оля, — просто сказала она.

«Ага, значит, Оля ее зовут!», — пронеслось в моей голове.

И вдруг, сморщив носик, она с такой детской непосредственностью, что мы с Виктором рассмеялись, спросила:

— А чем это у вас так вкусно пахнет, а то я такая голодная! А где у вас руки моют? — и направилась к рукомойнику.

Приотстав, Виктор придержал меня за рукав:

— Володя, как сказал бы старик Лоренцо, «таких страстей конец бывает страшен...».

— Это кто?

Он посмотрел на часы с напускной серьезностью и, пожевав губами, проронил:

— Да ты, я вижу, за 7 минут изрядно поглупел, братец! Это монах, который Ромео обвенчал с Джульеттой.

После ужина (Оля, конечно же, очаровала всех) Лёха вывезлся довести ее домой, но она сказала, что хочет пойти со мной пешком.

Вечерело. Мы шли держась за руки по лесной дороге, и неожиданно она спросила:

— Вам не трудно будет называть меня на вы?

Не дожидаясь ответа, она вдруг горячо заговорила:

— Неправ Пушкин, называя «вы» пустым, а «ты» сердечным! Неправда это! Ты — сокращает до минимума расстояние между людьми, что порой совершенно не нужно и, очень часто, несвоевременно! И наоборот, в слове «вы» заложена тайна общения и такая необходимая порой недосказанность...

Она выдохнула, как после большого глотка воды:

— Я что-то не то говорю, да? Кажусь вам смешной? Провинциальной дурочкой?

А я не мог ничего сказать, настолько был поражен зрелостью суждений и, главное, ее прекрасным литературным языком.

— Так вы согласны? Да? — и она захлопала в ладоши.

Уже на подходе к кладбищу я практически все знал о моей спутнице.

Она закончила школу на год позже (год пропустила — болела), живет с отцом и братом Костей, никуда не выезжала, любит поэзию и вообще литературу.

Собирается стать ветеринаром и мечтает о клинике для бездомных животных.

«Странное увлечение», — подумал я, но ничего не сказал. Она, как будто читая мои мысли, вдруг стала серьезной:

— Они, особенно лошади и собаки, лучше людей, никогда не врут и не предают!

Меня поразило ее знание поэзии. Она с необыкновенной чувственностью легко цитировала отрывки из стихов Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, достаточно вольно и спорно, но умело комментируя некоторые тексты.

Многие стихотворения я тоже знал и нередко читал (и другим девушкам, разумеется, тоже), но ее прочтение было совершенно иным, я бы сказал, даже значительно глубже погруженным во внутренний мир авторов.

Я естественно спросил — откуда это?

— У нас учитель истории, Алексей Николаевич, из Москвы. Его родители были из старинного профессорского рода. Он говорил, что прапрадед его был членом первой российской академии при государыне Екатерине. Родителей его расстреляли в 1939-м, а его за неделю до их ареста отправили в Томск к дальней родственнице. Там он и закончил университет. Как он попал к нам — я не знаю, он никогда не рассказывал. Какая у него библиотека! Да еще каждый год он из Москвы столько книг привозит. Хотите, я вас познакомлю?

Напротив кладбища она остановилась.

— Здесь вот бабушка с мамой моей лежат и наше с Костей место рядом.

У меня враз похолодела спина:

— Откуда ты знаешь про это?

Она приложила свой прохладный пальчик к моим губам:

— Я прошу, не сейчас... Костик такой смешной, упрасивает отца, чтобы тот купил ему мотоцикл «Ява». Отец ему отвечает, мол, отожмешься от пола больше раз, чем я — мотоцикл твой! Костя каждый день тренируется, — она звонко рассмеялась, — и... отец тоже! Разучил какую-то грустную песню на мандолине про васильки и Олю и каждый вечер на завалинке ее поет.

На мосту она остановилась еще раз и почти вплотную подошла ко мне:

— Я вам совсем не нравлюсь, да? Скажите! — и вдруг, обхватив мою голову, очень неумело поцеловала в губы. Пряча за внезапно рассыпавшимися волосами лицо, она еле слышно (из-за шума речки под мостом) прошептала:

— Я не умею, да? Я — в первый раз... я научусь...

Пытаясь проглотить подкативший к горлу ком, я молча притянул ее головку к груди. Она не пользовалась косметикой, но я почувствовал легкий, почти неуловимый запах — так пахнет осенний лист после дождя.

Она подняла лицо, слегка зарумянившееся от смущения:

— Это я крем сделала на бабушкиных травах, «Осенние листья» называется, похоже?

И закружила, завертела нас судьба, четко определив роли в маленькой пьесе по только ей известному и окончательно утвержденному сценарию.

Я чувствовал себя как в утлой, с потерянными веслами лодчонке, несущейся по горной реке неизвестно куда, и река

эта без конца и края то закручивает меня в водоворотах заводей, то успокаивает на плесах, то оглушает ревом порогов.

Или же иногда мне казалось, что по глубоким снежным сугробам, не разбирая дороги, мчит меня тройка коней, неизвестно кем запряженная, и пути, куда она летит, я разобрать не могу, снегом залепляет лицо, и бело кругом, и только выюга завывает.

Ни она, ни я не знали, что на никогда не врущих картах судьбы нам выпало число 11! Всего 11 дней!

Кто она — Оля?

*Всякая откровенность —
есть лжесвидетельство.*

Ален

Чудесное есть дитя невежества...

Д. Вико

Была еще одна встреча, глубоко задевшая меня встреча, о которой я хочу вам рассказать. Уже поздно вечером, когда я в растрепанных чувствах возвращался домой (я еще очень долго отвыкал от привычки называть временное и даже случайное жилье домом), возле магазина меня окликнула как будто поджидавшая меня женщина:

— Постой, геолог, не торопись, разговор к тебе есть, давай присядем вот здесь на лавочке, поздно уже, никто нас не услышит, здесь, ты уже знаешь, спать рано ложатся... Ты, значит, с Олькой встречаешься, да? Рассказать мне тебе кое-что надо, коли хочешь послушать, не сердчай только, не умею я говорить, школу-то не пришлось закончить, да что теперь об этом... Ты вроде парень правильный, мне про тебя девки с метеостанции рассказали. Ты не смотри, что они беспутные — они крученые, повидали кой-чего и в людях разбираются. Так вот слушай, аккурат в конце ноября пять лет будет, как это случилось. Вася мой тогда, как и я, на коровнике работал и в этот день сено перевозил с той стороны речки по льду на санях, как обычно. И знал ведь он, знал родимый эту промоину-то, каждый год она там, ключи что ли там теплые говорили, да мороз был сильный вечер, то ли снежком, будь он неладен, с утра

и припорошило. Вот Вася-то в эту промоину и заехал, а сам шел справа от саней — тут его возом-то и накрыло на правую сторону сани-то завалились — я все с берега видела, встречала его, как чувствовала неладное. Набежали мужики, да кто там набежал-то — одни калеки да убогие, день-то рабочий. Лошадь ржет да прямо криком кричит — затягивают ее сани-то под лед!

Вижу — от дома ихнего Олька бежит в платьнице голубеньком, и шубейка значит сверху-то накинута, а сама босиком, и ножик кухонный в руке. И сразу в полынью-то кинулась, обрезала веревки эти — постромки или гужи, я не больно то разбираюсь, а сама тянет лошадь-то прямо за морду-то к берегу! Как вышла она с лошадью-то на берег, то прямо на снег-то и повалилась как замертво! А тут и Аверьяныч — отец ее прибежал с шубой, да упал два раза по дороге-то, сердечный, руку разбил сильно до крови, помню, подхватил он Ольку-то и домой бегом. Васю-то моего никто больше не видел, так и не нашли его... А Олька-то твоя сильно заболела после этого, да так, что никто и понять не мог, главное — никакой простуды, даже насморка не случилось. Сначала руки-ноги ее не слушались, почти не вставала с кровати-то почитай месяца два, потом вроде как память отшибло. Отца родного не узнает, а ночью с бабuleй своей разговаривает, так она ее и не видела, бабулю-то, померла ведь та до рождения внучки. А потом Аверьяныч с работы приходит, а она, Олька, стало быть, белье постиранное развешивает и напеваает песню, да не на нашском языке! Вот потом и началось — память у нее стала не как у людей, ей богу, не вру. Откроет книгу, потом закроет и читает ее всю как по писаному. Учитель-то наш, Алексей Николаевич, историк который, говорит, что она все стихи, что на полках у него наизусть знает, а учительница английского по секрету рассказала, что Олька этот язык-то лучше ее знает, но виду не показывает. А еще — мысли она у людей читает, вот те крест!

Я несколько раз безуспешно пытался ее остановить, и в то же время что-то против моей воли заставляло слушать этот сбивчивый, непоследовательный рассказ, уступая желанию женщины выговориться.

— Скажу тебе так — не от бога это все, а от кого, не хочу на ночь говорить. Крема вот делает на травах, что бабуля

ее сушила, и сама собирает, а кто ее научил-то? А еще врач наш из больнички (пьет уж больно много) рассказал мне, что Аверьяныч анализы Олькины получил из города — больная она очень, и ничем не вылечить. Ты крик с кладбища слышал, когда к себе идешь? Вижу — слышал, да только не птица это! Не веришь мне, а зря, ох, зря, ну, ступай, уже поздно.

По дороге домой я, конечно же, думал о том, что услышал, но решил, что сказки это, не в себе женщина после потери мужа. И все-таки что-то было в ее рассказе, чего я объяснить не мог. Я не мог не заметить, что в Оле живут два разных человека — юная, непосредственная, радующаяся всему по-детски девушка и много видевшая и знающая женщина, умней и старше меня, и я никак не мог привыкнуть к этим, как правило, внезапным и даже пугающим меня переходам от одного образа к другому.

Напротив кладбища я остановился. Тихо-то как.. И вдруг крик раздался с такой силой, что у меня подкосились колени, и были в этом звуке какие-то новые нотки — наряду с угрожающими, как будто зовущие или притягивающие к себе, что ли...

Отмахал я бегом без остановки километра, наверное, полтора — до свиста воздуха из легких. Потом, устыдившись, успокоился и зашагал к дому, уже ни о чем не думая.

Всего 11 дней!

*Оля цветочек сорвет,
Низко головку наклонит,
Милый, смотри, василек
Твой поплывет — мой утонет.
Старая дворовая песня*

— Володя, — после завтрака подозвал меня Михальч (наш начальник отряда). — Тут такое дело, вот, приказ пришел — послезавтра — борт, перебрасывают нас далеко на Сидатун, там на лодках дальше вниз по Иману, а потом снова на Улунгу, где мы прошлый сезон заканчивали. Сюда попадем только в конце октября — не раньше. Так что завтра не работаешь, соберись с утра и прощайся с зазновой своей, Лёха тебя отвезет, за ним тоже на днях трейлер придет, сам-то он, как

ты знаешь, никуда не поедет. В 9 утра чтобы у магазина был как штык — он тебя заберет, не опоздай!

Река, по которой я стремительно мчался, будто враз резко замедлила бег, и впереди был только длинный, мелкий галечниковый плес с ледяными закраинами, как конец пути. За это время я успел познакомиться с отцом Оли — приземистым широкоплечим мужиком с большими натруженными руками и испытующим взглядом из-под густых насупленных бровей. Какая-то затаенная боль была в его глазах, что-то мучило его, но что, я так и не узнал.

Костик оказался полной противоположностью Оле — коренастый, крепкий паренек, с шапкой густых вьющихся темных волос и, в целом, очень похожим на отца. Он, конечно же, спел мне песню про васильки и Олю. Я знал, что васильки — ее любимые цветы, и эта, в сущности, нелепая, слезливая песня почему-то запала мне в душу (я до сих пор помню ее).

Однажды на берегу речки она, краснея и смущаясь, вынула из неизменного букетика васильков два цветка и протянула один мне.

— Давайте бросим в воду мой и ваш, как в песне у Кости.

Васильки поплыли сначала вместе, потом мой подхватило течением, а ее цветок закружило на месте. Увидев внезапно погрузневшее лицо, я поспешил ее успокоить:

— Ну, что вы, глупенькая, ну, не утонул же, как в песне...

— Не вместе... не вместе, — вздохнула она.

Я должен обязательно упомянуть про одну странность. Ни Оля, ни ее отец никогда не спрашивали меня, что я собираюсь делать дальше, какие мои планы на будущее. Самое удивительное, что мои коллеги тоже хранили молчание по этому поводу. Все они не могли не видеть ее отношение ко мне и то, что это не простая интрижка.

Однажды я задал ей давно мучивший меня вопрос:

— Скажите, сударыня, почему вы выбрали именно меня?

Она удивленно подняла брови:

— Я никого не выбирала, вы давно должны были прийти, потому что я вас давно жду — уже скоро два года.

Она вдруг лукаво улыбнулась:

— Вообще-то вы еще не совсем тот, которого я ждала и которого хочу видеть, но вы им обязательно станете, нужно только немного подождать, понимаете меня?

Прощание

*Самая сущность любви — свобода;
она несовместима с повиновением,
с ревностью или страхом;
она наиболее чиста, совершенна
и безгранична при равенстве
и отсутствии условностей.*

П. Б. Шелли

Итак, я ехал прощаться с Олей, не зная, как и что ей сказать, какие слова найти, да и значат ли что-нибудь эти слова сегодня. Я увидел ее возле магазина сидящей на лавочке со сложенными как-то по-бабьи руками на коленях. Она была в голубеньком, с открытыми рукавами платице и распущенными по плечам волосами. Заслонившись ладонью от солнца, она всматривалась в подъезжающую машину и вдруг порывисто поднялась, будто освещенная изнутри

— Я знала, что вы приедете, и знаю, что вы должны сказать мне сегодня, не спрашивайте, откуда — ладно? — и ткнулась зарумянившимся лицом мне в плечо.

— Идемте, — она как-то особенно крепко взяла меня за локоть, — да идемте же!

Мы направились прямо к ее дому, она спешила, как будто боялась опоздать куда-то. Буквально протацив меня, она торопливо открыла дверь дома:

— Вот мы и пришли, — выдохнула она, — проходите, вот это моя комната, а я сейчас.

Комната была небольшая, но уютная, с рядом полок, уставленных книгами. Я подошел поближе. Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Цветаева... Из прозы — Чехов, Толстой... Вдруг я увидел... Кант «Критика чистого разума» с закладкой, на которой четким ученическим почерком было написано: «Значит, в области разума доказательств бытия божьего быть не может??».

«Ну и дела» — чуть не присвистнул я, а четырехтомная история французской литературы АН СССР 1956 г. с многочисленными закладками меня окончательно доконала. Открыв первую попавшуюся закладку, я попал на Бодлера. Легкий, как дуновение ветерка, вздох вывел меня из замешательства. Обернувшись, я увидел стоящую на пороге комнаты полностью

обнаженную Олю... И настолько она была прекрасна в своей еще расцветающей, но уже в полной мере заявившей о себе красоте, что у меня потемнело в глазах.

Ни тени смущения, никакой решимости в ее взгляде, никаких зажмуренных глаз не было, она несла себя, как драгоценный подарок для меня, и сама любовалась им. Ничего глупее, чем «Может, не надо, Оля?» я придумать не смог.

— Надо, глупый мой, надо, любимый, — и, не касаясь пола босыми ножками, подлетела ко мне.

Я подхватил ее на руки, даже не заметив, что она впервые назвала меня на ты!

О первой ночи влюбленных написано столько, что большинство сказанного обветшало, как декорации в нищих провинциальных театрах, и я просто боюсь испортить словами то, что было тогда между нами. Запомнилось только то, что она хотела дать гораздо больше, чем могла, и что мог дать ей я. Да еще аромат мокрых осенних листьев и пришедшая совершенно некстати фраза из песни «Ночь в июле только шесть часов».

Среди ночи, когда она приснула на моем плече, чуть слышно дыша, я вдруг подумал: «Брошу все, уволюсь из экспедиции, останусь здесь, на рудник устроюсь, а нет — в охотники подамся...»

Она уже известным и любимым мною жестом приложила пальчик к моим губам:

— Даже не думай! У тебя впереди очень длинная дорога, и она начинается не здесь.

Я опять поразился ее способности читать мои мысли.

Уже под утро я шепнул ей на ушко, заметив вдруг, что оно даже не проколото для сережек, слово, которое, мне казалось, она так ждала: «Любимая!»

Она тихо и счастливо рассмеялась:

— Дальше не надо... молчи...

Я вдруг вспомнил и спросил:

— А где же отец и Костя?

— На сенокос уехали, я сказала им, что хочу проститься с тобой, ты не против?

Времени на завтрак у нас не оставалось, она вдруг нагнулась надо мной и долго (так мне показалось) просто смотрела, как будто запоминая навсегда.

Мы шли к ждавшей нас машине, обнявшись, не обращая никакого внимания на идущих мимо людей. Уже возле машины она, как и прежде, уткнулась лицом мне в грудь, и вдруг порывисто оттолкнула меня.

— Тебе пора!

Слез в ее глазах не было, не было ничего, кроме безграничной нежности, именно нежности...

Борт пришел вовремя, и через три часа я уже был далеко.

Возвращение

*И вновь искать тоски дорожной
Таить любовь и вновь страдать
И знать, как это невозможно —
Такую преданность предать.*

В. Коржиков

*...нехорошо знать, что случится.
Ведь терзаться, не будучи в силах
чем-то помочь, — жалкая доля.*

Цицерон

Прошло долгих три месяца. Будто по чьему-то звонку осень опустила тяжелый багровый занавес, закрывая сезон протяжным криком зверя, как лопнувшей басовой струной. Злые холодные ветра разметали сорванную листву, как обрывки старых афиш. «Осенние столетья пролетели, оставив нам седые перья грусти» ... и первый снег зашуршал по палатке, будто перебирая стопку неотправленных моих писем.

Мы заканчивали сезон на Улунге, где я снова прикоснулся к событиям 1932 года, что подробно описано в моей повести «Крест на высоком берегу», и сейчас летел в громыхающем АН-2 на встречу с Олей. К тому времени нас осталось трое: я, Виктор и его верный друг Андрюха, поехавший в этот раз с ним сезонным рабочим.

Не было дня без моих мучительных раздумий: что же делать? Люблю ли я ее? Я не находил ответа и даже не пытался обмануть себя, но одно знал твердо: я ее не брошу, просто не имею права...

Сначала я думал полететь в город, решить вопрос с жильем, комнату в конце концов снять, и вернуться за Олей, но потом

решил забрать ее сразу, а там — что будет, то и будет. Виктор — не по годам мудрый и чуткий, только однажды сказал мне:

— Смотри, Володя, — дело, конечно, твое, глупостей только не наделай...

Андрюха, по толстокожести своей заметно превосходящий носорога, прямо заявил:

— Да что тут думать, забирай ее — и в город! Решим с жильем поначалу.

Аэродром встретил нас пустыми окнами домиков (после нас, скорее всего не было никого), с другого конца полосы помахала рукой знакомая фигура одной из боевых подруг наших бичей, и Андрюха расплылся в плотоядной улыбке.

Вчера, по-видимому, прошел дождь, и запах мокрой жухлой листвы с такой силой напомнил мне об Оле, что, попросив Виктора разузнать все о завтрашнем дне, я, не переодеваясь и не разбирая дороги, почти бегом направился к трассе. Поймал рудовоз я почти сразу же и через 20 минут, показавшихся мне такими нескончаемо длинными, уже стоял у магазина и вскоре с пересохшими от волнения губами подходил к знакомому дому, который встретил меня... тишиной и аккуратно заколоченными окнами.

Ничего не понимающий, с внезапно подогнувшимися ногами, я опустился на крыльцо.

— Эй, парень, тебя Володя зовут? — неспешно подошла ко мне женщина в платке и теплой куртке. — Нет там никого, уехал Аверьяныч, а дом-то просто бросил, да я вот соседка ихняя, приглядываю тут за домом-то, мало ли чего.

— Куда уехал?

— Да кто ж его знает, одни говорят — к старателям подался, дружок там где-то у него...

— А Оля и Костя, что, с ним тоже уехали?

Она внимательно посмотрела на меня, уголки ее губ скорбно опустились:

— Так ты, стало быть, не знаешь ничего... Погибли они оба, на мотоцикле разбились насмерть. Аверьяныч-то таки купил Косте мотоцикл, красивый такой, красный, блестящий, говорили, «Ява» назывался, такой, как Костя хотел. Уж он-то рад был! А потом попросила она, Олька-то, покатать ее, и недалеко от кладбища на «Татру» они и налетели... Милиция приезжала

с Молодежки, написали, что Костя с управлением не справился. Да разное у нас говорят, мол, это Олька мотоцикл на «Татру» завернула, больная она вроде была сильно, и жить ей осталось всего ничего. Может, оно и так, а Костю-то за что? Он-то в чем виноват? Нет, не могла она, да кто разберет, что в жизни нашей так, а что не так...

— Когда это случилось? — от сверлящей боли в груди еле выговорил я.

— Да, почитай, месяца полтора назад, сейчас скажу, нет, точно не помню, в середине сентября, я как раз картошку собралась выкопать. Ее-то, Ольку, бедную в закрытом гробу хоронили, а Костя лежал прямо как живой, ну, как есть живой, кажется, вот-вот глаза откроет.

— Ну ты иди, а я посижу еще здесь.

— Посиди, милок, посиди, поплачь, может, и полегчает-то, а то ни кровинки на лице-то... — Чуть не забыла — письмо же тебе оставила Олька — сейчас принесу. — Заторопилась она.

— Вот, — протянула она конверт, в котором что-то хрустело. — Ну пойду я, не надо тебе сейчас со мной быть. И вот что еще, — она вдруг оглянулась, — птица-то или не птица, что с кладбища кричала, пропала как есть, сразу после похорон, никто ее больше не слышал.

Я поднес конверт к губам, и боль в груди стала еще сильнее от запаха мокрых листьев — аромата ее крема. Внутри было короткое письмо и три засохших василька. Много раз перечитанное мною письмо привожу почти дословно:

Любимый мой!

Как хорошо, что я могу тебя так теперь называть.

Спасибо тебе за все, за все, за то счастье, что я испытала. За наши 11 дней я прожила жизнь, о которой так мечтала. Да, я выдумала тебя, но ты был почти таким, каким я желала. Я была бы так счастлива узнать, что помогла тебе хоть на капельку, хоть чуть-чуть стать лучше, нет, просто чище. Я знаю, что ты меня еще не любил, боялся поверить в это и ошибиться еще раз — я права? Но это совершенно не важно, ведь источник любви был во мне, а не в тебе — извини. И в том, что не сложилось, нет твоей вины, не возражай, не пытайся — мой пальчик на твоих губах. Я взяла с собой букетик васильков, чтобы ТАМ ты меня

узнал. Ты будешь там с другой женщиной, которая будет рядом и дорога тебе — просто кивни мне и улыбнись, когда будешь проходить мимо.

Нежно тебя целую

Оля

На следующий день я улетел в райцентр Рощино и в этот же день в город.

Виктор никому ничего не рассказал, и только парикмахерша после стрижки шепнула подруге:

— Смотри, парень молодой, а на левом виске седина!

— С рождения бывает такое, не бери в голову, — ответила та.

По ничем не объяснимому стечению обстоятельств в конце ноября (меньше, чем через месяц) того же года погиб Андрияха — разбился на мотоцикле, налетев ночью на трейлер.

Хоронили его в закрытом гробу.

Вместо эпилога

Мне никогда не пришлось больше бывать в этих местах. Прочитал недавно, что в 2010 году в поселке проживало всего 67 человек, а в 2014 он был ликвидирован совсем. И никто больше не вспомнит историю, которую я вам рассказал. Разве что по-прежнему голубые россыпи васильков...

*Нью-Йорк, США
17 декабря 2022*